

Как перекрыли "Ангару" или иркутская глава "Сказки о Тройке" братьев Стругацких

В феврале 1969 года бюро Иркутского обкома партии приняло постановление об идейно-политических ошибках, допущенных в альманахе "Ангара". Поводом к этому послужила публикация повести братьев Стругацких "Сказка о Тройке". Произведение это было признано идейно порочным и аполитичным, номера "Ангара" с повестью изъяты из массового библиотечного пользования и переведены в спецхран, а главный редактор альманаха писатель Юрий Самсонов освобожден от должности.

Публикацией "Сказки" завершился недолгий, около двух лет, но, пожалуй, самый интересный период в истории альманаха, который сегодня называется "Сибирь". Именно в это время был опубликован ряд остросоциальных, талантливых произведений молодых иркутских литераторов. Позиция альманаха и его главного редактора вызвала раздражение власть предержащих в идеологии и литературе того времени, в конце концов сумевших перекрыть "Ангару".

Сегодня "Сказка о Тройке", как и многие репрессированные произведения, возвращена читателю и заняла своё место в ряду других талантливых вещей. Справедливость, как говорится, восторжествовала, но только не по отношению к альманаху "Ангара" и его главному редактору, с которого до сих пор никто не снял обвинений в "идейно-политических ошибках". Вот почему мы сочли необходимым предоставить возможность писателю Юрию Самсонову рассказать о работе в альманахе "Ангара" в 1967-1969 годах и высказать свою точку зрения на события тех лет.

Беседу ведёт журналист Ю. Багаев.

Журн. Юрий Степанович, известно, что стать редактором альманаха "Ангара" вам предложили летом 1967 года. Чем характеризовалась тогда литературная ситуация в Иркутске, как складывалась ваша личная судьба?

Ю.С. В 1953 году, после окончания Иркутского пединститута, я поступил на работу в "Восточно-Сибирскую правду". Спустя три года уехал в Братск в качестве корреспондента ТАСС на строительство знаменитой ГЭС, в 1962 году вернулся в Иркутск автором детской сказочной повести, напечатанной в журнале "Пионер", и вошёл в группу молодых литераторов, которую называли "иркутской стенкой". Ближе прочих мне был Дмитрий Сергеев - старший из нас, фронтовик и геолог, автор двух книг, реалист и фантаст, "технар" и философ. Подружился я с Геннадием Машкиным, ещё пока не автором повести "Синее море, белый пароход", но уже написавшим несколько замечательных рассказов, в том числе "Арку". Был в этой компании и Александр Вампилов, всех поразивший своей первой пьесой, и Вячеслав Шугаев, и вернувшийся вскоре из Красноярска Валентин Распутин. Сходились мы ежедневно, бурно обменивались мнениями и идеями, которые могли быть присвоены и воплощены кем угодно - никто не цеплялся за авторство. Всё написанное обсуждалось тут же - горяченьким, а затем снова - после переделок. Это было счастливо найденное сочетание индивидуального с коллективным, и можно сказать, не преувеличивая, что личным успехом каждый был, пусть в разной степени, обязан всем.

Правда, нам не доставало интеллигентности, цивилизованности, мы не только высказывали свои принципы, но достаточно часто пытались их навязать, не сдерживали антипатий, не понимали, что писатель к писателю должен относиться как держава к державе, и есть граница, которую заказано переходить - или не миновать раскола, как оно позднее и произошло. Об этом можно сожалеть, хотя думаю, что на ситуацию повлияли скрытые до поры позиционные расхождения. Ведь особенного плюрализма "стенка" не допускала, она была цельным блоком инакомыслящих, однако внутри неё мыслить следовало примерно одинаково, так что, например, Шугаев тогда числился и даже вправду был пылким борцом против антисемитизма!

Какого свойства было наше инакомыслие - не загадка: Дмитрий Сергеев стал постоянным автором "Нового мира". Геннадий Машкин - "Юность", "стенка" состояла в личной дружбе кто с Твардовским, кто с Тендряковым, кто с Евтушенко. Тайком привезли и перепечатали "Раковый корпус" А. И. Солженицына.

Стоном стонали от нас бдительные люди в окружающей среде, только деваться было некуда: после Читинского семинара 1965 года все мы стали членами Союза писателей.

Главного редактора альманаха тогда назначало бюро писательской организации - согласования с обкомом, утверждения на бюро обкома не требовалось: теперешний порядок возник, по-видимому, после моего "низложения", как раз в связи с ним.

По традиции, главным редактором был ответсекретарь писательской организации. Альманах когда-то назывался "Новая Сибирь" и выходил эпизодически - иногда один раз в год, затем, переименованный в "Ангару", стал выходить четырежды, затем, слитый с альманахом "Забайкалье", перешёл на шестиразовый выпуск, ответсекретарю невозможно стало управляться ещё и с этой работой. Я унаследовал груды рукописей, сваленных на издательский стул, успевших пожелтеть и пропылиться, кое-что из этого завала удалось позднее напечатать.

Назначение моё радости не вызвало ни у руководящих идеологов, ни у родимых консерваторов в писательской организации, ни тем более у директора издательства - Леонида Кирсановича Чуркина. Их можно понять: если человек не вскакивает на ноги при звуке имени вождя, а продолжает себе сидеть, дурно влияя на окружающих, зато встаёт и уходит, хлопнув дверью, когда в зале предлагают Даниэля и Синявского расстрелять, если этот человек публично выспрашивает у секретаря обкома, верно ли, что введены новые цензурные строгости, или чище - наказан ли секретарь Горьковского обкома за "хунвейбиновскую" угрозу повести нижегородцев в Москву для расправы с "Новым миром", то он, ясное дело, требует особого и пристального внимания.

Говорю это не к тому, какой я храбрый, примерно так вели себя мы все, таков был дух "стенки" - и, с точки зрения начальства, ни один из нас в главные редакторы не годился. Но других-то - беспартийных - и назначить бы не смогли, а я состоял в партии уже с 1953 года.

Журн. Юрий Степанович, но разве член партии не был обязан в те годы строго следовать официальному курсу? Как вам удавалось отстаивать свою позицию, где брали силы?

Ю.С. Что ж, Александр Твардовский был не только членом партии, он был членом ЦК. Чья позиция более правомерно партийна - редактора "Нового мира" или тогдашнего Политбюро?

Таких, кто не соглашался подменять служение услужением, было в стране предостаточно. Если прежде им оттапывали головы, то после "оттепели" либерально связывали руки и мягонько, неторопливо удушали, перевоспитывая в духе "двоемыслия".

Имелся, как говорят автомобилисты, "люфт" - пространство свободы внутри самых идеологических требований. Дело в том, что требования эти не могли быть сформулированы вполне определённо, напрямик. Кто ж мог сказать "соцреалистам": "врите"? Нет, им было сказано: "пишите правду". Ты имел моральное право считать именно эти слова официальным партийным требованием - и следовать ему на практике, что означало, в лучшем случае, твою политическую наивность, а в худшем - политическую незрелость: ведь "зрелому-то" не требовалось разжёвывать, что "писать правду" на деле означает врать.

Но пока идеологические ковбои гонялись за тобой со своим лассо, ты мог сопротивляться, уклоняться, ускользать и успеть даже совершить серьёзные проступки, зная, что расплата неминуема, тем более, что ты и не Твардовский.

Я имею в виду главным образом то, что мне удалось пробить несколько талантливых произведений, выдержав при этом борьбу и с чиновниками идеологических партийных ведомств, и с издательскими перестраховщиками, и, естественно, с цензурой. В то время мне стала особенно близка мрачная шутка литераторов, что написать хорошую вещь значительно легче, чем её потом напечатать.

Журн. Да шутка известная и, к сожалению, не утратившая своей актуальности в наши дни. А за какое произведение вы впервые вступили в борьбу?

Ю.С. За повесть Распутина "Деньги для Марии". Она шла в четвёртом номере 1967 года, который составил предыдущий главный редактор - Марк Сергеев. Я пришёл в издательство, чтобы заняться своим - пятым номером, а мне говорят: ищи замену. Уже можно не спрашивать, цензуре никто не указ - сама кому хочешь укажет, может не вдаваться в объяснения: обжалованию не подлежит, сопротивление бесполезно.

Что ж, говорю, посмотрим...

Нечего, отвечают, смотреть: ты ищи. Надо четыре печатных листа.

Я забрал корректуру, унес, прочитал повесть залпом и влюбился в неё без памяти: там видно, до чего Распутин боится сфальшивить хоть словечком, хоть запятой, и это читателю передаётся - не за одну Марию маешься, не за Кузьму, а и за Валентина: вдруг всё же сорвется? Нет, всё тонко, точно, чисто, как птица пропела... И это - снимать?!

Перезвонились с Марком Сергеевым - он был ответсекретарем, с Анатолием Шастиным - секретарем партбюро, договорились пойти в обком. Я снова перечитал повесть, сперва всю, потом ещё раз - кусками, к утру знал её почти наизусть.

В восемь утра мы уже были в кабинете у секретаря по идеологии Евстафия Никитича Антипина. Я сказал, что запрет такой повести равен убийству и что повесть Распутина сделает знаменитым, а Евстафий Никитич, как помню, ответил: "Откуда вы это знаете?" Нажимали мы дружно, а кончилось странновато: Антипин разъяснил, что мы пришли не по адресу, что нам надо разбираться по этому делу с начальником обллита Николаем Григорьевичем Козыдло.

Правда, когда мы пришли к Козыдло, прихватив по дороге ещё директора издательства Л. К. Чуркина, Николай Григорьевич как раз беседовал по телефону с Антипиным - тот ему позвонил насчёт распутинской повести. О чём говорили, нам не доложили.

Само слово "цензура" было для нашей "стенки", что красная тряпка для быка. Завидев живого цензора, я на него сразу же и накинулся. Гляжу, а тореадор-то миролюбив, даже не сопротивляется. Говорит: я ничего не запрещал, ничего не снимал, я только хотел посоветоваться.

Вот какой реприманд! Кто же кому тут голову морочит? Смотрим на директора издательства - тот молча перелистывает корректуру. Молчание же - знак согласия. (Или признак лояльности.)

После я увидел, что издательские работники умеют валить на цензуру то, чего она ещё в глаза не видела, авансом, и что Козыдло - человек порядочный, дружелюбный, терпимый, даже уступчивый, разумеется, в пределах полномочий. Работу свою знал, делал её предельно добросовестно, но готов был и рискнуть - и я этим бессовестно пользовался, причём неоднократно...

Что же, хотят посоветоваться - мы изложили советы. Но коли эпизод возник, он не мог окончиться ничем. Свой вклад внес Л. К. Чуркин: давайте, говорит, переместим повесть в середину номера, чтобы он всё же не ей открывался. Это принципиального значения не имело, и корректура уехала в типографию.

В пятый номер я поставил, помнится, военную повесть Дмитрия Сергеева "Полевая жена", которую, конечно же, нельзя было печатать, поскольку славные воины Советской Армии никогда и слыхом не слыхали ни о каких таких походных полевых женах (ППЖ), и песен не пели о них, и не мог наш советский офицер вести себя, как герой повести Зуев. Принцип "соцреализма": этого не может быть, потому что не должно быть.

Но после стычки из-за Распутина повесть прошла с неожиданной лёгкостью - и этот номер, кстати, был единственным, за составление которого мне, согласно уговору, заплатили. Остальные я делал на общественных началах.

Журн. То, что вам перестали платить деньги, является вопиющим нарушением авторского права. Почему вы не протестовали?

Ю.С. У нас по сей день имеет смысл говорить только об авторском бесправи: оно-то и есть наше право. Означало это, что меня хотят выкорчевать из альманаха не мытьём, так катаньём. А результат оказался прямо противоположным: нипочём не уйду, пока силой не вышибут. Только укрепили независимость, да вызвали этукую весёлую злость: вы нас мытьём - а мы вас дубьём! Да, конечно, я "под колпаком", но колпак-то ведь и изнутри прозрачен, я тоже вас наблюдаю, причём более сосредоточенно, не отвлекаясь, на соседа не надеясь...

Журн. На что же вы жили?

Ю.С. На мелкие займы и на случайные заработки, вроде внутренних издательских рецензий. Мы - военное поколение: желудок зауженный, потребности минимальные, притязаний никаких. Давить на нас поэтому трудно, а ежели мы уверены, что делаем святое дело, то давить и вовсе бесполезно. Антипина и Чуркина следовало убедить в этом на живом примере. Я хотел предъявить доказательство: при всей нашей несвободе

у нас можно добиться всего, чего хочешь, надо только оседлать чиновника так, чтобы он захрустел. Он ведь любым принципом поступится, лишь бы избавиться от неудобства, так что знай не отступай, тесни и досаждай, настырничай, никуда он не денется. У него, голубчика, под черепной коробкой полторы извилины, настройся на три - нипочём не различит подвоха при всей своей бдительности: и в самый наилучший микроскоп всё-таки не наблюдают звёзды. И сколько ни закручивают гайки, напечатать всегда можно будет всё, что угодно, пусть это поймут, пусть до них дойдёт бесполезность и бессмысленность их усилий, пускай ищут новые, человеческие пути.

Мне очень нравился лозунг, который был в ходу у чехов, но вызывал ярость чиновников нашего партаппарата: социализм с человеческим лицом.

Журн. Но была и какая-то конкретная программа действий?

Ю.С. Я не знал ещё ни работы, ни всех её трудностей, кроме политических. Точно знал только то, как буду себя вести и чего добиваться, делая альманах. Исходил из интуитивного убеждения, что результат зависит от высоты прицела. Хочешь шедевров - и явятся шедевры, настроишься на средний уровень - получишь, согласишься на мусор - достигнешь... Правило точное, проверенное на многих примерах. Будто включается какой-то электромагнит, подобное притягивается подобным, сила притяжения возрастает вслед за возрастанием той массы, которую уже притянуло, на тебя начинает работать репутация твоего издания - поле притяжения расширяется, шлют рукописи, едут авторы, о которых слыхом не слыхал, всё шире выбор, можешь приподнимать прицел. Это чуду подобно, только мы забегаем вперед.

Я целился пока на максимум возможного - на уровень лучшего в нашей "стенке". Но это означало, что и "стенка" должна подтянуться. Это вызвало трения: как же так - ты же его друг, ты с ним вчера водку пил, а сегодня требуешь переделать рассказ, который все хвалят. И ещё раз потребуешь, и ещё... "Стенка" взъерошилась, заерепенилась. Собираемся, ставлю спорный рассказ на обсуждение - и автор получает ещё больше шишек. Скрипит зубами, доводит "шедевр" до ума.

Вампилов говорит про меня ядовито:

- Он думает, что он уже Твардовский. Я про себя нахально думаю: "Чёрт поberi, а чем мы хуже?"

Вознёсся... Стараясь всё же головы не потерять: по уровню прозы, считал, мы и от "Нового мира" не отстанем, пожалуй, и не отстает, но журнал - это не только художественная проза. По части поэзии - нечего равняться, а уж публицистика, а тем более критика...

После я пришёл к мысли "импортировать" критику, т.е. "ковать" свои кадры, но куда их нет - отдавать книги на рецензию лучшим критикам страны: связи налаживались. Сделать этого не успел.

"Импортировать"-то, впрочем, можно было бы все, но издание должно было оставаться местным, не обезличиваясь, по одежке протягивать ножки, не опускаясь до провинциальщины. Быть центром здешнего, а не вообще литературного процесса - и задавать качество самому этому процессу, вот к чему вёл, вот какова была суть, изюминка редакторского замысла.

За литературными журналами начинал следить всё ревнивее, прикидывая - кого мы обошли, кого ещё предстояло "догнать и перегнать". Например, тогдашний "Наш современник" явно в подметки не годился нашему альманаху "Ангара", и я торжествовал... А впереди себя числил помимо "Нового мира" ещё "Москву" и "Звезду", которую очень профессионально - не мне чета - делал Георгий Холопов.

Было у кого, было чему поучиться, было чем увлечься: каждый следующий номер как бы вырастал из предыдущего и давал начало очередному, я мысленно перебирал по листочку будущий годовой комплект, угадывая наилучшие сочетания, - короче, меня засосало.

Кое-чего достигнуть удалось, двенадцать выпущенных номеров говорят за себя сами. "Помогала", надо сказать, вся обстановка в стране: лучшие сочинения, которые при нормальных условиях верняком ушли бы на сторону, без особенных уговоров поступали в портфель альманаха - становилось всё меньше охотников такое печатать, и пока литература нищала, мы могли не опасаться за свои закрома.

Журн. А что же работники издательства? Неужели среди них не нашлось помощников и единомышленников?

Ю.С. Отнюдь. Одним из важнейших условий нашего успеха была Людмила Афанасьевна Васильева. Альманах имеет редколлегию на общественных началах, а практически его делают двое - главный редактор и

ещё редактор, выделенный издательством. На эту роль было выдвинули писателя Евгения Суворова, но я ответил, что двух разгильдяев на альманах окажется многовато, редактор должен быть воплощением аккуратности, коли уж главный не обладает таким качеством. Среди прочих предложили Людмилу Афанасьевну, юную угрюмоватую даму, работавшую тогда корректором. Я долго к ней приглядывался - скрадывал, как рябчика в тайге, не решался: что за этой вечной замкнутостью? Наконец раскусил и, костеря себя на все корки, - где были мои глаза? - помчался к директору издательства требовать Васильеву себе для работы в альманахе, опасаясь, что вдруг не отдадут.

Слава богу, отдали.

Выигрыш оказался грандиозным. Я мог не заботиться о соблюдении многосложной издательской технологии, даже в это не вникать - Людмила Афанасьевна сделает всё и сделает в срок. Я не заботился о качестве редактирования: оно обеспечено. Я оставлял на её усмотрение всё более ответственные решения - ни разу не промахнулась. Требовательность её доходила до того, что она отказывалась ставить в номер статью собственного мужа - критика и литературоведа, имея претензии к качеству текста, и тот шёл ко мне жаловаться.

Но всего важнее, что на неё не надо было оглядываться в любой драке: свой кусок фронта она удержит, не ослабнет, не предаст. Хотя обстоятельства складывались так, что мне приходилось ставить её иногда попросту в бесчеловечные условия, да ещё не объясняя, почему это делаю, для чего, каков будет следующий манёвр.

Журн. Вам не кажется, что в нашей беседе слишком много военной терминологии? Ведь говорим-то мы о литературе...

Ю.С. Что подделаешь, по мере того, как сгущалась общественная атмосфера, работа главного редактора стала сводиться не к редактированию в нормальном смысле слова, а к пробиванию. За всё, что мы умудрялись напечатать, шла война, с разведкой, обороной, наступлением, отступлением, заходом в тыл, во фланг, с психическими атаками и чёрт-те чем ещё.

Поначалу боевые действия были самые примитивные - самодеятельность... Приезжает ко мне Машкин уговаривать, чтобы поменял местами пьесу Вампилова и повесть Гусенкова, запланированные на первый и второй номера 1968 года... Саня-то потерпит, а у Володи вовсе худые дела, пропустить бы его вперед...

Но оба номера уже сложились, что пасхальные яички, их ломать - что дом ломать. Я не соглашаюсь.

И вдруг соображаю: промашка!

Обсуждение повести Гусенкова "Семь дней без романтики" только что прошло в издательстве. Повесть прекрасная, в духе тогдашней молодёжной прозы - Кузнецова, Аксёнова, Гладилина - только она была как бы итоговым произведением всей этой струи, содержала не явную, внутреннюю на неё пародию.

Демобилизованный солдат появляется на великой сибирской стройке. Он жаждет перемен, рвется в бой с недостатками. Заметил, что из брошенных опалубочных щитов и досок торчат ржавые гвозди, предлагает положить конец безобразию: гвозди выдрать. Товарищи пытаются ему растолковать, как мало в этом проку, но куда там!..

Издательское руководство юмора не заметило, сочло повесть очернительством нашей действительности, а Гусенкова чуть ни диссидентом. "Стенка" билась за повесть дружно, билась жестоко, и, хотя издатели на вид остались при своём, не могло же это обсуждение их не пошатнуть! Если промедлить, неуверенность у них пройдёт, позиция схватится, как бетон, - ломай заново!

Самое время ставить повесть в номер - прямо сейчас: ошалеют, растеряются от такой наглости! А затем это, между прочим, поможет и выходу книги: апробировано.

Саня, конечно, обидится. Но он и вправду может лишних два месяца потерпеть...

Обиделся Саня, ещё пуще обиделся Л. К. Чуркин, однако прошло как по-писаному.

А верхом всей этой стратегии и тактики оказалась история с публикацией повести Геннадия Николаева "Плеть о двух концах". Повесть как будто сегодня написанная - в связи с кошмарной аварией на газопроводе, о том, почему такие аварии неминуемо будут происходить. Геннадий Николаев - нынешний главный редактор "Звезды", по профессии инженер, сумел обнажить наш хозяйственно-политический механизм во всей его жути,

без пощады и без прикрас.

А, кроме того, автор добавил в повесть очень правдивые эпизоды, связанные с коллективизацией, бытом сталинских лагерей, живописать которые было в те годы запрещено. Словом, решиться на публикацию такого произведения было делом нелёгким. Но мне придало силы то обстоятельство, что, познакомившись с этой повестью, директор издательства Л. К. Чуркин заявил: она никогда не увидит свет. Безапелляционность всегда вызывала во мне жажду противоборства, и я решил, что сделаю всё возможное, чтобы "Плеть о двух концах" ударила по тем, кому она предназначалась.

Однако на сей раз я решил действовать при помощи явных противников повести - издателей и цензоров, чтобы они взаимно нейтрализовали друг друга. Для почина я предложил прочесть повесть Константину Федоровичу Седых. Он был человек замечательного таланта, всё распрекрасно понимал и всего отчаянно боялся. Когда я сказал своим товарищам, что отдал вещь на прочтение дяде Косте, они схватились за головы, потому что были убеждены, что Седых зарубит повесть, как говорится, на корню. А слово Седых обладало для издательских работников силой прокурорского приговора.

По прошествии некоторого времени у меня на квартире раздался звонок, и я услышал голос Константина Федоровича:

- Юра! Я потрясён! Я три ночи не спал. Но ведь это же невозможно печатать. Тебя с работы снимут. Мы лишимся редактора, а этого допустить нельзя.

- Значит, вы не будете писать рецензию?

- Да что ты, какая рецензия? За это же голову оторвут.

Я ответил, что на нет и суда нет, и попрощался с дядей Костей, не сообщив ему, что повесть в это время находится на предварительном прочтении в цензуре. Седых жил в эту пору на даче, и я знал, что он в это время не встретится с директором и не сможет высказать ему своё мнение.

Что касается начальника обллита Н. Г. Козыдло, то у нас с ним после первой стычки из-за "Денег для Марии" установились вполне нормальные отношения, даже взаимопонимание, которое ни та, ни другая сторона не стремилась разрушить. Я не стал ничего исправлять в повести и отдал её на прочтение в том виде, в котором она попала ко мне от автора. При этом я прекрасно знал, что придётся убирать и про лагеря, и про коллективизацию, но решил сделать это в последний момент, как бы вынужденно, уступая цензору, который, по вполне понятным причинам, не мог переступить через существовавшие тогда запреты. Таким маневром я надеялся уберечь основной материал повести.

Через некоторое время мы встретились с Н. Г. Козыдло, чтобы обменяться мнениями. Разговор наш начался утром. Поговорили о погоде, других не менее важных вещах, обсудили некоторые детали повести, уделив при этом особое внимание одному эротическому эпизоду. Словом, время шло, в кабинет всё чаще заглядывали сотрудники обллита. Н. Г. Козыдло стал нервничать. Дело подошло к обеду, когда я решил, что настала пора главного штурма, и спросил Николая Григорьевича, что же можно сделать, чтобы всё-таки напечатать повесть. В ответ, как и ожидалось, мне было заявлено, что нужно опустить все эпизоды, связанные с репрессиями 37-го года, лагерями и коллективизацией. Я согласился.

- Но ведь и всего остального также нельзя печатать, - несколько растерянно уже сказал Козыдло.

И тут я выложил припасённые козыри. Я предложил внести в кульминационную часть повести поправку, в результате которой станет ясно, что партийные органы знают о творящихся безобразиях, принимают соответствующее решение, но оно запаздывает и финал повести остаётся трагичным.

- Это меняет дело, - заявил, поразмыслив, Николай Григорьевич. - Так, пожалуй, и пойдёт. В таком виде пропустим.

С большим трудом, но нам удалось вместе с автором сочинить совсем небольшой, на какие-нибудь полстранички, новый эпизод таким образом, что он не нарушал реальности происходящего, не бросался в глаза, читался, в сущности, как проходной. Но для нас он стал цензурной отдушиной, в которую мы всё-таки смогли пролезть.

Таким образом, наш читатель ещё в 1968 году получил возможность открыть для себя правдивую и талантливо изображённую картину аварийного состояния нашего хозяйственного механизма, почти в том же

виде, какой она предстала нам сегодня в пору гласности, после разнообразных разоблачений.

Журн. Но вы ничего не говорите о том, как удалось побороть сопротивление директора издательства.

Ю.С. Это было довольно серьёзное препятствие, и помочь преодолеть его мог только дядя Костя. В один прекрасный день я оказался в поселке старых большевиков и ветеранов партии, где была дача Константина Федоровича. Мы сидели с ним на скамеечке, говорили о том, о сём. Седых сказал мне:

- Вот обратите внимание, Юра. Здесь живут две категории дачников: те, кто в 37-м сажал, и те, кого в 37-м сажали. Узнав о том, что вопрос о публикации повести согласован с цензурой, подробно расспросив о сокращениях в тексте и внесённых дополнениях, дядя Костя признал, что это меняет дело, и согласился написать рецензию.

Но, как показали дальнейшие события, с этим решением он явно поторопился. В условленный срок я дядю Костю на даче не застал, точнее, он при моем появлении каким-то немыслимым образом исчез из поселка. Ни к чему не привели мои последующие визиты, но, наконец, удалось застать Седых. Он пожаловался, что не может писать на даче, и просил отвезти его в город. В городе выяснилось, что работать здесь нет никакой возможности и надо выбираться на дачу. Я исполнил и эту просьбу. В конце концов, рецензия была готова.

Думаю, что я мог получить её и без лишних проволочек, но в Константине Федоровиче сказались накопленный за многие годы страх. Он так, на всякий случай, не хотел иметь касательство к этому делу, не хотел компрометировать себя. Я не осуждаю его, напротив, благодарен за то, что он нашёл в себе силы сделать то, что должен был сделать.

Словом, на стол директора легла благословлённая цензурой и снабжённая предисловием К. Ф. Седых повесть Геннадия Николаева. Сопротивление было бессмысленным, и "Плеть о двух концах" вышла в свет в очередном номере альманаха. Но история на этом не закончилась. Когда с повестью познакомилось московское начальство, оно объявило Н. Г. Козыдло выговор за ослабление бдительности. К чести Николая Григорьевича должен сказать, что я узнал об этом не от него. Всего же он за время нашей совместной работы получил за альманах несколько выговоров, но наших добрых отношений это не испортило.

История, происшедшая с рукописью Г. Николаева, весьма типична. Без подобного рода ухищрений не обходился ни один номер. Всё приходилось пробивать и проталкивать, так что со временем я в этом искусстве весьма поднаторел. В то же время я прекрасно понимал, что моё противостояние не может продолжаться бесконечно, рано или поздно меня снимут. В обществе не было механизма, на который я мог бы опереться, чтобы продлить дни вольницы альманаха, серьёзной помощи в критической ситуации мне ждать было неоткуда. Ну да и тем лучше: я рассчитывал только на свои силы и был готов ко всему. Тем более что терять мне было нечего - зарплату-то мне не платили.

Приближалась подписка на 1969 год. Репутация альманаха уже кое-что весила для писателя, но мало значила для читателя, чем-то надо было его взять. Мы имели "Стальную птицу" Василия Аксёнова, я обратился к Елене Сергеевне Булгаковой за разрешением на перепечатку "Дьяволиады" и "Роковых яиц", она ответила, что надо ждать возвращения из заграничной командировки Константина Симонова - председателя комиссии по творческому наследию Михаила Булгакова.

Журн. Публикация этих вещей, безусловно, привлекла бы внимание читателей к альманаху. Однако они так и не появились, но зато увидела свет "Сказка о Тройке". Как это произошло?

Ю.С. "Сказку о Тройке" братьев Стругацких и грудку других фантастических рассказов разных авторов по моей просьбе выслала Ариадна Громова из Москвы.

На заседании редколлегии я сообщил о содержимом редакционного портфеля. Вскоре последовал звонок инструктора обкома Дмитрия Милюкова:

- Ты сказал, что собираешься печатать Булгакова и Аксёнова?

- Я сказал, что имею их в портфеле.

- Ясно.

Мне тоже стало ясно, что остаётся печатать фантастический номер. А фантастики, привозной и местной, хватало на два. Стало быть, напечатаем два.

Рассказы были относительно безобидны. Зато "Сказка"!

"Сказка о Тройке" - продолжение повести "Понедельник начинается в субботу". На тринадцатый этаж всё того же здания научно-исследовательского института чародейства и волшебства (НИИЧАВО) направилась комиссия во главе с товарищем Вунюковым, узурпировала там власть и, пользуясь Круглой Печатью, творит расправу над разного рода необъяснимыми явлениями. Впрочем, нет смысла пересказывать содержание повести, она опубликована в 1988 году в журнале "Смена".

Я позвонил Ариадне Громовой:

- Слушай, может, убрать откровенное хулиганство - хоть этот эпизод с пионерами, которые пришли приветствовать Вунюкова?

- Не смей ничего убирать. Лучше уж не печатай.

Поразмыслив, я решил, что она права: что могли изменить поправки?

В это время в Иркутск прилетел заместитель редактора журнала "Байкал", мой друг Владимир Бараев и рассказал, что в Улан-Удэ работает комиссия из двадцати трёх человек, разбирается с опубликованием повести "Улитка на склоне" всё тех же Стругацких - путь их пролегал по редакторским трупам.

- А я ставлю в номер "Сказку о Тройке".

- Поздравляю: к тебе тоже приедет комиссия. Держи мою объяснительную - авось пригодится.

Не пригодилась...

Журн. Тем не менее, история с "Байкалом" служила лишним подтверждением, что со "Сказкой" придётся немало повозиться, не так ли? Какие на сей раз вы предприняли шаги, чтобы облегчить её публикацию, что удалось придумать?

Ю.С. Ровным счётом ничего. Я ограничился тем, что отправил в отпуск редактора Л. А. Васильеву, отчасти потому, что она действительно изрядно со мной подустала, а в основном потому, что не хотел её подставлять под удар. Номер я подписал сам, но никаких военных действий не вел: ни с кем не консультировался, назапасался рецензиями, не оказывал никакого давления. По-видимому, это усыпило бдительность руководства издательства и облита, в общем-то привыкших к тому, что в критических ситуациях главный редактор альманаха, наоборот, проявляет активность. А может быть, те, кто стоял на страже, просто ничего не поняли.

Повесть прошла без сучка и задоринки. В один альманах она не уместилась, и окончание пришлось перенести на следующий номер. Между двумя выпусками был перерыв примерно в два месяца, и я с опасением ждал, что начало повести дойдёт до более высокого начальства, последует запрет, и окончание повести не увидит свет. Но этого не произошло.

А время шло, я работал над составлением последующих номеров альманаха, всё было спокойно и тихо, но ощущение занесённого топора не проходило, хотя и запряталось в самую глубину.

И только в феврале ночью раздался звонок из Москвы:

- Ваш Антипин получил за тебя в ЦК взбучку, едет в ярости, готовься.

Взбучка, говорят, была получена от секретаря ЦК Демичева. Вопрос предложили рассмотреть на бюро обкома.

Скоро Антипин нас вызвал. Особенно долго почему-то выяснял, откуда известно, что повесть относится к жанру фантастики. Никак его не устраивало, что я и сам фантаст, могу, поди, судить. Нет, это должно быть обозначено в подзаголовке - тогда будет фантастика. А без обозначения - ни в коем случае.

У кого-то в разговоре мелькнуло слово "позиция". Антипин налился кровушкой и почти пропел своим хорошо поставленным баритоном:

- У нас может быть только одна позиция - классовая!

"Интересно, какого класса?" - подумал я, разглядывая выхоленного аппаратного работника.

По моему мнению, умный был человек, но до того заботился, чтобы окружение простило ему немодную там интеллигентность, что сам про неё забывал. А окружение помнило и не прощало, не позволяло прыгнуть выше кресла третьего секретаря, хотя ни в какое сравнение с ним не шло.

Нам сказали, что особых дебатов разводить на бюро не будут. Сообщение - оценка - решение, всё за 10-15 минут. Познакомили с подготовленными материалами, в общем, приемлемыми. У меня за спиной было достигнуто джентльменское соглашение насчёт того, чтобы я - и тоже в приемлемой для себя форме - признал допущенную ошибку, после чего дело ограничится строгим выговором с занесением... и я остаюсь в должности. Это было важно, поскольку я понимал, что если уйду, альманах станет другим, а вместе с этим изменится интеллектуальная, духовная жизнь Иркутска, на которую "Ангара" стала оказывать всё возрастающее влияние. Бросать дело не хотелось, особенно в тот момент, когда у альманаха появилась хорошая репутация, он стал популярен и при умелой организации дела мог в самое ближайшее время превратиться в журнал. Первым шагом к этому было нажитое за последний год право включения альманаха во всесоюзный каталог подписки, благодаря чему "Ангара" стала известна всей стране.

Словом, что-то там признать, пообещать быть наперед благоразумнее, найти этакую извилистую формулу для меня не составило бы труда: мало ли я за эти два года наловчил?

Журн. И, тем не менее, всё обернулось иначе. Что же произошло?

Ю.С. Мы познакомились с материалами для обсуждения на бюро за день перед заседанием. Но за это короткое время что-то произошло, о чём трудно судить, поскольку я не искущён в партийной работе, особенно в тех её формах, которые были распространены в то время. Во всяком случае, в сообщении по нашему вопросу звучали совсем не те характеристики, которые содержались в материалах для бюро. Они носили не только демагогический и ортодоксальный характер, но были оскорблением чести и достоинства авторов повести, моих собратьев по творческому цеху. Этого я уже решительно принять не мог, поскольку не хотел позора на свою голову, но те, кто сидел за длинным столом, ещё не знали об этом.

Первый секретарь обкома Н. В. Банников спросил, как я оценил "Сказку о Тройке", когда получил её для публикации. Я ответил, что оценил произведение как антибюрократическую сатиру в области науки.

- А теперь как оцениваете? - задали мне вопрос в соответствии с намеченным сценарием.

- У меня не было времени изменить своё мнение, - ответил я.

Покаяние не состоялось, члены бюро были вынуждены начать обсуждение, которое длилось добрых полтора - два часа. Их вопросы казались мне странными, они явно гадали - где крамола, которую должны были непременно осудить. Похоже, что никто ничего не понял, хотя перед каждым лежал номер альманаха, исчерканный красным карандашом, - я это видел со своего лобного места. Придирки имели случайный, вымученный характер, иногда злобный, как у второго секретаря по фамилии Кацуба. Нелепая была ситуация: мы говорили на разных языках без переводчика, но с predetermined результатом. Ни до чего, естественно, не дотолковались, однако хоть внешне разговор наш выглядел прилично. Банников был до того вежлив, что всякий раз, задавая вопрос, вставал с места.

Жутким образом всё переменялось, когда меня сменил главный редактор издательства В. Г. Фридман. Видать, они слишком сдерживали "ндрав", а в зубы наконец попался человек зависимый, из номенклатуры...

Перед началом заседания я Фридману сказал, чтобы он не тянул на себя одеяло - валил всё на меня. Однако Владимир Григорьевич доброму совету не последовал, и гордость проявил, и твёрдость - ну за то и отлилось.

Ему и говорить-то толком не давали.

- Чем вы объясняете свою политическую близорукость?

Фридман начинает:

- Я был загипнотизирован... - Он хотел сказать, известностью, именем братьев Стругацких. Перебили:

- Кем загипнотизирован - Клопом, что ли?

Кто читал повесть, помнит, что есть в ней такой персонаж - говорящий Клоп.

И - новые вопросы. А в заключительном слове Банников выдаёт уже как вполне установленный факт:

"Фридмана загипнотизировал Клоп".

Спустя полгода Фридмана не утвердили в должности как раз по мотиву этого Клопа. Дорого Клоп обошёлся издательству: главным редактором Фридман был преотличным.

Легче задышалось лишь во время выступления Антипина: хоть один человек, да понял эту "Сказку о Тройке". Не упустил ассоциации с особыми тройками тридцатых годов, не забыл про пионеров, приветствующих товарища Вунюкова, раскрыл нам глаза на то, что фамилия профессора Выбегалло содержит намёк на наших выдвиженцев - мне это как-то в голову не пришло.

Кацуба предложил исключить меня из партии. Банников спросил:

- Вы прежде имели взыскания?

- Нет.

- Тогда предлагаю ограничиться строгим выговором с занесением в учётную карточку. Какой вуз окончили?

- Иркутский педагогический институт.

- Плохо изучали марксизм.

Чёрт возьми, ну при чём же здесь бедный марксизм? Ведь то, что происходило в этой большой полированной комнате, меньше всего напоминало собрание марксистов.

Вот доказательство:

"Бюро ОК отмечает, что в 1968 году на страницах 4 и 5 номеров литературно-художественного и общественно-политического альманаха "Ангара" опубликована идейно порочная, аполитичная повесть Стругацких "Сказка о Тройке".

Под предлогом фантастического сюжета, широко используя средства иносказания (аллегии), авторы повести в нарочито искажённом виде, субъективно и тенденциозно представляют советское общество, охаивают историю развития Советского государства, деятельность его учреждений, жизнь советских людей, строящих коммунизм.

Вместо сатирического изображения отдельных недостатков нашей жизни и показа конкретных носителей социального зла, ещё встречающегося в нашей действительности, авторы обобщили и заострили это зло, не показав сил, которые успешно преодолевают трудности и недостатки на пути движения советского общества к коммунизму. Частные и преходящие отрицательные явления, отражающие процесс борьбы нового со старым в поступательном движении общества к коммунизму, приобрели несвойственные им всеобщность и фатальную неизбежность...

Костяк сюжета повести, её художественный строй, особенно язык и стиль направлены на охаивание научно обоснованных методов руководства в нашем государстве... Авторы отошли от принципов партийности и социалистического реализма" и т.д. Что называется, достойно скрижалей, но я поленился переписать бумагу от начала до конца, когда она была в руках. Да, поди, и не надо: достаточно.

После таких обвинений, сами понимаете, ни о каком помиловании и речи быть не могло. Было постановлено главному редактору альманаха "Ангара" объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку и от работы освободить.

Я уходил избавленный от груза должности. Из обкома мы напрямиком направились в ближайший ресторан, чтобы обсудить происшедшее. Через несколько минут прибежал собственный корреспондент "Комсомольской правды", присутствовавший на заседании бюро, поделился анекдотичной новостью:

- Ребята! Вы только вышли, а Банников спрашивает: "Чего это Марк Сергеев с бородой?" Ему говорят: "Нынче такая мода". А Банников: "Но он же коммунист!"

Посмеялись, но не очень весело. Чувствовалась какая-то всеобщая угнетённость. Причём удручены и угнетены мы были не суровостью применённых наказаний, а бессмысленностью всего, что случилось. Это было в чистом виде продолжение "Сказки о Тройке", ненаписанная Стругацкими её иркутская глава, не менее страшная и в то же время нелепая. Мы даже подумали, что не просто, конечно, придумать "Сказку о Тройке",

ещё труднее её написать, но пережить "Сказку о Тройке"!..

Для меня дело осложнялось ещё и тем, что по отношению к друзьям, побывавшим со мной на заседании, я чувствовал себя предателем. Всё-таки мы стремились и рассчитывали на другой результат, и он вполне мог быть, если бы не моя выходка. Теперь дальнейшая судьба альманаха вызывала большую тревогу. Ведь за время, потребовавшееся на разбор этого дела, я успел "слепить" целых три номера. И каких! Чего стоила, например, военная повесть Иннокентия Черемных "Разведчики", правдивая и честная. Заступиться за неё теперь было некому, и я был уверен, что повесть "выпотрошат" в издательстве. А если смотреть глубже, то потерпела крах вся наша независимая, свободная политика, поскольку, получив осуждение власть предержащих, альманах стал более уязвим для атаки консерваторов разных мастей.

На следующий день, не помню уж по какому поводу, состоялось писательское собрание. Когда Е. Н. Антипин, пришедший на него, познакомил собравшихся с решением бюро, начал нарастать протест, который, если не разрядить обстановку, мог привести к конфронтации с партийным аппаратом. По-моему, этого было допускать нельзя, так как сразу же вызвало бы соответствующие меры со стороны издательства и из плана могли "вылететь" не менее пяти книг молодых авторов, наиболее незащищенных.

Журн. Откуда у вас была такая уверенность?

Ю.С. Я неплохо знал Л. К. Чуркина, а кроме того, общая политическая атмосфера в стране, её идеологической жизни в тот момент была такова, что, на мой взгляд, исключала какие-либо решительные формы сопротивления. Совсем недавно произошли события в Чехословакии, где победила грубая сила. И эта "победа" создала у многих партийных работников стремление к силовым решениям, к которым они бы в нашем случае не преминули бы прибегнуть. Я чувствовал себя обязанным найти вариант игры с меньшим проигрышем, чтобы хоть мои товарищи не оказались заодно со мной парализованы. И поэтому на собрании предложил не оспаривать решение бюро обкома: мол, отказывать обкому в праве на мнение о литературном произведении было бы недемократично!

Смешно, однако, такой фразы оказалось достаточно! Л. К. Чуркин не понял, что ситуация снова изменилась, и существенно. Когда пришла корректура альманаха с повестью И.З.Черемных, директор издательства расправился с "Разведчиками", так исчеркав листы красным карандашом, что повесть стала напоминать арбуз. Узнав об этом от Л. А. Васильевой, я немедленно позвонил в обком, чтобы поинтересоваться, редактор я ещё или уже не редактор? Выяснилось, что до того момента, пока не подобрана замена, считается, что эти функции выполняю я. И опять мы двинулись в обком. Работники отдела пропаганды и агитации, не помню уж кто именно, здраво отнеслись к нашим претензиям, состоящим в том, что любые вмешательства в производство требуют согласования с главным редактором альманаха. А поскольку таких согласований директор издательства не произвел, его действия должны быть оценены как произвол.

И опять Л. К. Чуркин позвонил мне утром, чтобы сказать дежурную фразу:

- Юрий Степанович, ты уж извини. Это мои дуры напутали опять...

Худые или хорошие, но мы уберегли тогда от общего потопа свой ухоженный кусок литературной суши. Примерно через год новый главный редактор Анатолий Шастин сумел-таки напечатать "Утиную охоту". Совсем недавно иркутские издатели, затеявая переиздание ранних повестей М. Булгакова, не могли разыскать их текстов ни в каких спецхранах.

Повести нашлись: Людмила Афанасьевна Васильева извлекла их из наших старинных закромов. Сложись обстоятельства по-другому, читатель получил бы их ещё лет двадцать назад.

Но кое-чего из тогдашнего редакционного портфеля читатель и теперь не увидел и, пожалуй, увидит не скоро: "иных уж нет, а те далече"...

© Юрий Самсонов, 1990, Голос (Иркутск). - 1990. - № 1. - С. 70-79.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ИСТОРИЯ, 👁 4231 02.12.2012, 22:34 👤 496
URL: <https://babr24.com/?ADE=110364> Bytes: 43958 / 43933 Версия для печати

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: @babr24_link_bot

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: @bur24_link_bot

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: @irk24_link_bot

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: @kras24_link_bot

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: @nsk24_link_bot

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: @tomsk24_link_bot

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)